

Е. Г. Борисова¹

АГРЕССИВНОСТЬ В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ИСТОЧНИКИ И СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ

1. Обвинения участников коммуникации в избыточной агрессивности стали обычным делом. Причем накал напряженности отмечается в самых разных источниках, в том числе традиционно более уравновешенных СМИ, относящихся к либеральному типу и следующих тактике «гонца, приносящего вести»². На это обратил внимание А. Б. Чубайс в интервью во время прощания с убитым Б. Е. Немцовым: «Все должны остановиться».

Под агрессивностью в данном случае мы понимаем высокий накал эмоций в устных и письменных текстах, в первую очередь эмоций негативной окраски: возмущения, ненависти, злости, гнева³. (Существует и несколько иное понимание агрессивности, связанное с особенностью риторического поведения — напора говорящего, не уступающего инициативы адресату.) Любое общение, связанное с высокой эмоциональностью по отношению к собеседнику или третьему лицу, отличается изменением аффективного состояния всех участников. Это, в свою очередь, снижает способность к оценке сообщаемого с точки зрения истинности, то есть снимает защитный барьер, который выставляют все коммуниканты, чтобы избежать обмана.

2. В тактиках использования сетей для воздействия на читателей (в целом такое до недавнего времени называли троллингом) подобный прием называется флеймингом, то есть поджогом. Он приводит к уходу от обсуждения тезиса, а следовательно, к невозможности его доказать. Собеседники начинают перебрасываться оскорблениями, и важный тезис, нежелательный для флеймера, забалтывается.

Интернет-коммуникации развиваются, в частности для обмена мнениями создаются удобные сервисы — соцсети. Они в меньшей мере допускают ту глубину обсуждения, которая возможна на выходящих из моды форумах, однако обеспечивают быстроту коммуникации (и соответственно нередко спонтанность и непродуманность) в ограниченных или открытых сообществах. Стоит обратить внимание на тот факт, что использование сетей, и в первую очередь Facebook, получило широкое распространение среди руководства Украины, пришедшего к власти в результате государственного переворота 22 февраля 2014 года. Неодно-

кратно отмечалось, что сообщения об указах президента Украины П. Порошенко и приказах министра внутренних дел А. Авакова появлялись на их страничках в Facebook раньше, чем в официальных средствах массовой информации. Стоит отметить также страничку помощника президента А. Герашенко, где в большом количестве появлялись необоснованные обвинения России, сообщения о «колоннах танков» и т. п. Достаточно вспомнить, что почти сразу после катастрофы малайзийского «Боинга» в небе над Донбассом на страничке А. Герашенко появился пост с заголовком: «Будь ты проклят, Путин!», притом что определить реального виновника было тогда физически невозможно.

3. Такие средства коммуникации влиятельных лиц, организаций фактически играют роль средств массовой коммуникации и массмедиа. Хотя печатные СМИ еще не дошли до уровня безответственности, отличающего соцсети, где запись может быть оперативно убрана или изменена. Многие особенности такой коммуникации переносятся и в печатные и электронные СМИ. Это относится и к степени агрессивности многих сообщений и выступлений на радио и ТВ. Особо разительными представляются такие «новации» в СМИ либеральной направленности, для которых в целом характерно хотя бы внешнее стремление к «непредубежденности» (impartiality).

4. В анализируемый нами период — 2011–2015 годы — вспышка агрессивности в массмедиа имела два пика. Первый был связан с президентскими выборами 2012 года, когда в первом туре и вполне предсказуемо был избран В. В. Путин, а второй явился отражением событий на Украине, в частности Евромайдана и госпереворота («Революции достоинства»). Часть приемов перешла к последнему этапу от первого и от киевских соратников.

Состояние интернет-пространства после Евромайдана отличается значительным накалом эмоциональности и агрессивности. Одним из главных средств остается оскорбление собеседников, прямое (*Вата тупая*) или косвенное — через негативную оценку сообщения этого собеседника (*Гов... вброс!*), или каких-то ценностей или личностей, важных для адресата (*Ваши рузье мир — это финно-угорское болото*). Основным средством остаются инвективы: слова, несущие негативную оценку и вызывающие обиду и возмущение у адресата⁴. В русском языке (как и в других) есть небольшое количество лексики, оцениваемой как ругательство, — начиная с так называемого мата и заканчивая словами, вошедшими в литературный язык: *сволочь*, *негодяй* и т. п. Все это, наряду с вульгаризмами, просторечиями, жаргоном (*козел*, *овца*), широко представлено в русскоязычных постах, комментариях, записях в сетях.

¹ Профессор кафедры массовых коммуникаций Московского городского педагогического университета, доктор филологических наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Understanding by communication» (в соавт.), «SoftPower, мягкая сила, мягкая власть. Опыт междисциплинарного исследования» (ред.), «Основы руморологии. Теория и практика управления слухами» (в соавт.), «Язык общественно-политической коммуникации», «Язык в основе взаимопонимания (к итогам конференции «Понимание в коммуникации-5»)», «Ассоциативная сеть как основа представления содержания сообщения» и др. Член Международной прагматической ассоциации (IPrA).

² Борисова Е. Г. Язык общественно-политической коммуникации. М.: МГПУ, 2012.

³ Щербинина Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления: учеб. пособие. М.: Флинта, 2004.

⁴ Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М.: Ладомир, 2001.

Однако употребление такой лексики негативно оценивается в русской культуре (что относится и к хорошо знакомым с ней жителям Украины и дальнего зарубежья). Поэтому в ответах нередко делаются замечания с осуждением низкого уровня ругающегося. В результате в спорах стали использоваться неологизмы, представляющие собой оскорбительные обозначения противника¹. Надо сказать, что противники нынешней украинской власти, а до того — Майдана, не очень поднаторели в выборе оскорблений. Во время Майдана встречалось оскорбительное *рагули* и *бандеровцы* (или *бандеровцы*, как говорили на Восточной Украине), что традиционно относилось к жителям Западной Украины, Галиции, то есть предполагалось, что основная масса активистов Майдана — жители Западной Украины. Участники Майдана 2004–2005 годов получили тогда прозвище «майданутые», что было применено и в 2013–2014 годах. Появилось и новое *майдауны*. Противостоящая сторона проявила больше избирательности. Наряду со встречавшимся и ранее обозначением жителей Донбасса *даунбассы* блогеры, поддерживавшие Майдан, а вслед за ними и пресса ввели слово *титущики* (купленные властью противники Майдана; слово появилось во время столкновений еще весной 2013 г. и представляет собой фамилию спортсмена, который сознался, что его привлекли к выступлениям за президента Януковича за деньги).

Позднее, во время военных столкновений на Донбассе, основным оскорблением противника сторонники теперь уже новой украинской власти сделали слово *колорад*, в смысле *колорадский жук*, поскольку противники носили георгиевскую ленточку в знак верности не С. Бандере, а советской армии-победительнице. С конца марта 2014 года стало употребляться находившееся на периферии Рунета слово *ватник*. Как ни странно, у слова, и тем более у его переделки *вата*, оказался значительный оскорбительный потенциал. Попытки ввести нечто аналогичное с противоположной стороны (*шароварник*, *нацююрник*) успеха не имели. Слово *укроп* с самого начала воспринималось не столь оскорбительно, что позволило украинским властям использовать шевроны с этими наименованиями.

Высокий уровень агрессии в блогах задавался всечеловеческим подчеркиванием тупости и «зомбированности» противника, что очень характерно для украинской стороны. Очевидно, идея «зомбированности» была фрагментом не спонтанного творчества масс, а продуманного плана, о чем свидетельствует, среди прочего, номинация российских СМИ «КисельТВ». Для россиян она долго была загадочной, так как Д. Киселев не был столь популярен у российских телезрителей, чтобы

в его честь называть все российское телевидение. В целом с украинской стороны было осуществлено продуманное пропагандистское воздействие, включая номинации типа «Небесной сотни». Значимо и то, что название госпереворота «Революция достоинства» возникло через некоторое время после этого события, видимо, когда его цели, заявленные ранее, перестали обладать достаточной притягательностью.

5. С лета 2014 года стало принято говорить об информационной войне между Россией и Украиной, хотя точнее было бы говорить о войне между СМИ, поддерживаемыми властью России и Украины, ибо участники этой войны находятся по обе стороны границы. Это, а также то, что война развернулась в общем информационном пространстве, является спецификой данного явления. Рост взаимной ненависти оказался обескураживающим для многих жителей обеих стран. В частности, когда украинская сторона выступила с заявлением: «Никогда мы не будем братьями!» (осень 2013 г.), это вызвало довольно болезненную реакцию со стороны россиян, которые не могли воспринимать своих «почти соплеменников» как врагов. Однако после военных действий 2014 года, гибели мирных жителей оскорблений в адрес украинцев и заявлений о ненависти к ним со стороны россиян стало гораздо больше. Этому способствовали и обильные цитирования российскими СМИ публичных высказываний украинских политиков и общественных деятелей.

События на Украине легко вписываются в мировой контекст, в частности в стратегию «управляемого хаоса», провозглашенную «неоконами» США в начале тысячелетия и нашедшую воплощение в «арабской весне». По этой логике нарастающая ненависть между двумя нациями, многие века бывшими единым народом, является фактором, способствующим реализации этой концепции. Если учесть, что ситуация в мире накануне краха долларовой системы предельно обострена, агрессивность граждан, предчувствующих страшную опасность, объяснима. И в то же время она, как система с обратной связью, может способствовать трагическому развитию событий.

6. В целом можно отметить, что использование сквернословия и оскорбительной лексики, широко распространенное в Интернете, легко перешло в СМИ и публичное общение (вплоть до билбордов с карикатурами на Путина и аббревиатурой, намекающей на площадное ругательство). Уровень агрессивности приблизился к ситуации информационных войн. Все это заставляет искать пути регулирования общения в Сети, которые не позволили бы привести к разжиганию ненависти, проникающей в массовую коммуникацию.

¹ Жаботинская С. А. Язык как оружие в войне мировоззрений. Майдан–Антимайдан : словарь-тезаурус лексических инноваций. URL: http://uaclip.at.ua/zhabotinskaja-jazyk_kak_oruzhie.pdf